

УГО ПЕНСОН

Родился в 1987 г. в Нанте (Франция), в семье архитектора. Рисованием увлёкся ещё в детстве. Искусство изучал в своём родном городе в художественной школе Пивó. Во время учёбы ему выпал шанс поработать вместе с Жаном-Клодом Гольвеном, иллюстратором, архитектором, археологом и большим специалистом по Древнему миру. В 2015 г. Пенсон участвовал в работе над первым томом графического романа «Стоунхендж» (Stonchenge) по сценарию Эрика Корбейрана, и его выполненные маслом иллюстрации событий из кельтской истории привлекли внимание издателей. Уго Пенсон — автор множества обложек для книг, выходивших в Delcourt, Glénat и других издательствах, он также сотрудничает с журналами (Le Figaro Histoire). В 2018 году он принимал участие в обновлении музея истории города Динан. Страстное увлечение традиционной живописью и историей открыло Пенсону путь в команду создателей графического романа «Ведьмак. Меньшее зло». Все иллюстрации для этой книги также написаны маслом.

АНДЖЕЙ САПКОВСКИЙ

Анджей Сапковский родился в Польше в 1948 г. Всемирно известную сагу о Ведьмаке (переведена на 37 языков, продажи книг превысили 17 миллионов экземпляров) он написал, вдохновляясь славянской, северной и другими мифологиями и народными сказками. Вооружившись иронией, Сапковский поднимает в своих произведениях современные проблемы — дискриминацию, страдания, поиск смысла в постоянно меняющемся мире. Его труд удостоен пяти премий имени Януша Зайделя, а также премии Дэвида Гэммела. По мотивам «Ведьмака» создана компьютерная игра, снят сериал Netflix.

Как обычно, первыми на него обратили внимание коты и дети. Полосатый котяра, дремавший на согретой солнцем поленнице, поднял круглую голову, прижал уши, фыркнул и удрал в крапиву. Трехлетний Драгомир, сын рыбака Тригли, старательно возившийся в грязи у порога хибары, вытаращил слезящиеся глаза на просвещающего всадника и завизжал.

Ведьмак ехал медленно, не обгоняя мешавший воз с сеном. За ним, вытягивая шею, то и дело сильно натягивая веревку, привязанную к луке седла, трусил навьюченный осел. Кроме обычных вьюков длинноухий тащил на хребте громоздкую тушу, замотанную в мешковину. Серо-белый бок осла покрывали чёрные полосы засохшей крови.

Воз наконец свернул в боковую улочку, ведущую к складам с зерном и пристани. Легкий ветерок нёс оттуда запахи смолы и бычьей мочи. Геральт пришпорил коня. Он не обращал внимания на сдавленный крик торговки овощами, уставившейся на лапу с длинными когтями, высунувшуюся из-под мешковины и дергавшуюся в такт шагам ослика. Не обернулся и на растущую толпу, тянувшуюся за ним с тихим гомоном.

Перед домом старосты, как всегда, было много повозок. Геральт спрыгнул с седла, поправил висящий на спине меч и перебросил узду через коновязь. Толпа, спешившая следом, образовала возле ослика полукруг.

Крики старосты было слышно уже перед дверью.

— Нельзя, говорю! Нельзя, сучий потрох! Ты что, придурок, по-людски не понимаешь?

Геральт вошёл. Перед невысоким, пузатым, покрасневшим от гнева старостой стоял крестьянин, держа за шею дергавшегося гуся.

— Чего... О боги! Это ты, Геральт? Или у меня что-то с глазами? — И вновь обращаясь к крестьянину: — А ну, забирай это, хамлюга! Ты что, оглох?

— Дык говорили, — бормотал деревенщина, косясь на гуся, — што надеть сунуть-то благородному чего-нибудь, а иначе...

— Кто говорил? — взвизгнул староста. — Кто? Так я что, взятки беру? Не позволю, говорю! Вон, говорю! Привет, Геральт!

— Привет, Кальдемайн.

Староста, сжимая ладонь Геральта, второй рукой хлопнул его по плечу.

— Это уже пару лет тебя не было, Геральт. А? И ты никак места нигде не нагреешь. Откуда это ты идёшь? А-а, п-пада-даль, какая разница. Эй, кто-нибудь там, принесите пива! Садись, Геральт, садись. У нас тут балаган, понимаешь, завтра ярмарка. Что там у тебя, рассказывай!

— Потом. Сначала выйдем.

Толпа снаружи выросла раза в два, но свободное пространство вокруг ослика не уменьшилось. Геральт отбросил мешковину. Толпа охнула и отшатнулась. Кальдемайн широко открыл рот.

— О боги, Геральт! Что это такое?

— Кикимора. Не назначено у тебя за неё какой награды, господин староста?

Кальдесмайн переминался с ноги на ногу, глядя на пау-чьё, обтянутое дряблой чёрной кожей тело, на остекленевший глаз с вертикальным зрачком, на иглы клыков в окровавленной пасти.

— Где... Откуда это...

— На плотине, милях в четырёх отсюда. На болоте. Кальдесмайн, там должны были пропадать люди. Дети.

— Ага, точно. Но никто... Кто бы мог подумать... Эй, люди, а ну по домам, за работу! Тут вам не цирк! Закрой это, Геральт. А то мухи слетятся.

В избе староста без слов схватил кувшин пива и выпил до дна, не отрывая от уст. Затем устало вздохнул и шмыгнул носом.

— Награды нет, — понуро сказал он. — Никто и не предполагал, что такая штука может сидеть в солёных

болотах. Несколько человек в той округе пропало, это верно, но... Там мало кто лазил. А ты откуда там взялся? Почему не ехал по главному тракту?

— На главных трактах, Кальдесмайн, мне трудно зарабатывать.

— Я и забыл, — староста сдержал отрывку, надув щеки. — А ведь какая была спокойная округа. Даже домовые редко когда ссали бабам в молоко. А тут на тебе, под самым боком и такая зараза. Выходит, я должен тебя поблагодарить. Потому что заплатить я тебе не заплачу. Нечем мне платить за это.

— Не везёт. А мне нужно было бы денег, чтобы перезимовать. — Ведьмак отхлебнул из жбана и отёр губы от пены. — Вообще-то я собрался в Испадень, только не знаю, успею ли до снега. Как бы не застрять в каком-нибудь городишке вдоль Лютоньского тракта.

— А в Блавикен долго будешь?